

ОДНАЖДЫ

ТЫ

СТАНЕШЬ

МОЕЙ

МОРГАН БРИДЖЕС

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б87

Morgan Bridges
ONCE YOU'RE MINE

Copyright © 2023 by Building Bridges Publishing
All rights reserved.

Character illustration by Skadior Art

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:
© Calibro, kvasvector / Shutterstock.com / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Перевод с английского *Марины Кокта*

Бриджес, Морган.

Б87 Однажды ты станешь моей / Морган Бриджес ; [перевод с английского М. Кокта]. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-216177-3

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Каратель

Калиста принадлежит мне... Она просто пока этого не знает.
Я захотел ее, как только увидел. Потом я стал ею одержим.
Я наблюдал за Калистой, преследовал ее, и это еще больше раз-
жигало мою страсть.

Однажды она станет моей, и я уже никогда ее не отпущу.

Цель

Хейден Беннетт – настоящий монстр, как в зале суда, так и за его
пределами. Но, к сожалению, мне нужна его помощь.

То, что должно было быть простой сделкой, превращается в нечто
темное и серьезное.

Он всегда рядом, когда я в нем нуждаюсь, но я не уверена, что
доверять ему – хорошая идея...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-216177-3

© Кокта М., перевод на русский язык,
2025

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

*Посвящается всем, кто считает
книжных героев-преследователей
сексуальными.*

ГЛАВА 1

Хейден

Я убил его.

Сенатор не первый и не последний. Я испытываю удовлетворение, но оно мимолетно подобно пламени, которое быстро гаснет. Умирает и исчезает.

Как мои жертвы.

Справедливость — госпожа, которая зовет меня и притягивает в свои объятия, чтобы поймать меня. И оставить опустошенным. Ни с чем. В ожидании исцеления, которого я никогда не получу.

Дождь идет не сильно, но непрерывно, оседая повсюду на кладбище.

На траве.

На могильных плитах.

На лицах скорбящих.

Капли падают с неба и смешиваются со слезами, стекая по щекам тех, кто смотрит на гроб. Скорбь чувствуется повсюду, она пронизывает воздух, словно густой туман. Я позволяю ей охватить, окутать меня, даровать мне покой. Нечасто удается ощутить такое спокойствие. Похороны моих жертв — одни из немногих событий,

которые делают это возможным, поэтому я всегда их посещаю.

Завершить ритуал...

Поставить точку в чьей-то жизни.

Восстановить справедливость.

Начать заново.

Я обвожу взглядом присутствующих: море черного на зеленом фоне, чернильное пятно на изумрудном поле. Они толпятся, прижимаются друг к другу в поисках утешения, одни тихо плачут, другие громко шмыгают. Все они сломлены.

Кроме одного человека.

Единственный человек, который действительно должен быть раздавлен, стоит с гордо поднятой головой. Но не потому, что ей плевать. Нет, она любит покойного. До глубины души. Каждый вдох дается ей с трудом, как будто кто-то душит ее, и она содрогается от боли каждый раз, когда взгляд ее карих глаз падает на гроб из красного дерева.

Но слез она *не* показывает.

Во всяком случае, пока. Но в конце концов они все не выдерживают. И это еще одна часть ритуала, которой я наслаждаюсь.

Хотя я до сих пор не могу понять, почему люди оплакивают зло. Им должно быть легче от того, что в мире стало на одного убийцу меньше. Меньше на одного человека, который охотится на невинных женщин и детей. Я подозреваю, что это все потому, что они понятия не имеют о мерзких поступках, которые совершали их близкие. Узнай они, пришли бы в ужас, а не скорбели.

Калиста Грин восхитительна в своей печали.

Эта женщина — идеальный образец того, как должна выглядеть дочь политика. Безупречная одежда без единой

ОДНАЖДЫ ТЫ СТАНЕШЬ МОЕЙ

складочки, безукоризненный макияж и длинные темные волосы, завитые и уложенные так, чтобы подчеркнуть красивый изгиб ее шеи. Что действительно привлекает внимание, так это нить жемчуга, которую она то и дело перебирает пальцами, чтобы успокоиться.

Калиста в центре моего внимания, поскольку она единственный родственник сенатора, оставшийся в живых. А вовсе не потому, что эта женщина молода и привлекательна, хотя нужно быть мертвым, чтобы не заметить этого. Черный юмор от меня. Такое случается нечасто... забавно.

Дело не в красоте мисс Грин, но я слежу за ней, затаив дыхание, моя грудная клетка поднимается и опускается в такт ее вдохам, мое тело подается вперед при каждом ее движении. Она — единственная, с кем я сейчас связан.

Есть какая-то поэзия, острая ирония в том, чтобы лишить жизни человека, благодаря которому кровь течет по ее венам. Благодаря которому сердце бьется в ее груди. Мой взгляд снова и снова соскальзывает на едва заметное движение пульса на ее шее.

Большинство женщин хрупкие и нуждаются в защите. Но только физической. Эмоционально они более развиты, находятся в большей согласии с чувствами, которые, как правило, преобладают в их жизни.

Те самые, которые я уничтожил в себе.

В первую очередь нежные и трепетные: обожание и сострадание. Будь они выражены в заботе о другом или даже в любви. Как их ни называй, все они ведут к слабости. Которая оборачивается болью и страданиями.

И провоцирует темные чувства.

Те самые, которыми я упиваюсь, те самые, которыми продиктованы мои действия и подпитаны мои намерения. Разочарование. Гнев. Отвращение. Даже желание,

если оно эгоистично и дарует удовольствие как ментальное, так и физическое.

Они мне понятны, их я держу под контролем, иначе они завладевают мной, что и пытаются сделать время от времени.

Я не идеальный человек. Идеальны лишь мои намерения.

Пастор просит всех склониться в молитве, и все опускают головы. Кроме меня. И *ее*.

Мисс Грин просто смотрит перед собой, не моргая, в ее взгляде искрятся мысли, ее глаза становятся цвета засахаренного меда. Я продолжаю наблюдать за ней. Внимательно изучать ее. И чем дольше я это делаю, тем сильнее во мне разгорается интерес.

О чем она думает?

И где, черт возьми, ее слезы?

Обращение к невидимому божеству подходит к концу, и все поднимают головы. Женщина средних лет, бывшая экономка резиденции Гринов, закрывает лицо обеими руками. Ее округлая фигура трясется от громких всхлипов. Настоящих или фальшивых — не знаю наверняка.

Мисс Грин не задумывается об искренности ее слез. Она тут же заключает экономку в свои объятия, шепчет своими пухлыми розовыми губами слова утешения, хлопывая ее по спине, пока к женщине не возвращается самообладание.

Пастор показывает на гроб, предлагая каждому попрощаться. Первым подходит водитель семьи. Он держит кепку в руках и склоняет голову. Его губы едва шевелятся, сразу видно, что он человек немногословный, и он отступает назад.

Прежде чем он смешивается с толпой, дочь сенатора подходит к нему и берет его за руку. Она улыбается муж-

чине — грустно, но все же улыбается — и говорит что-то, от чего мужчина гордо расправляет плечи. Они общаются непринужденно, естественно.

Я морщусь, не пытаюсь скрыть своего скептицизма. Никто не видит меня на таком расстоянии, но у меня вдруг возникает желание подойти ближе. Но приближаться к родственникам жертв против моих правил, поэтому я остаюсь на месте. Тем не менее, несмотря на правила, мое желание не утихает. Мне необходимо разобраться во всем глубже, чтобы прийти к пониманию.

Мисс Грин озадачивает меня.

Смерть сенатора опустошила ее больше, чем кого-либо, но вместо того чтобы самой искать утешения, именно она поддерживает других. И не просто других, а персонал. Людей, на которых она должна обращать внимание, только когда отдает им распоряжения.

Я встречал многих мужчин и женщин из высшего общества, и ни у одного из них не было личных отношений с теми, кому они платят. Они считают это ниже своего достоинства. Финансовое разделение существует с тех пор, как деньги и положение в обществе стали играть важную роль в человеческой культуре.

Но не для мисс Грин.

Она обращается с каждым, как с достойным человеком.

Это сбивает с толку... это что-то новенькое. *Если* это так.

Я не верю в ее искренность. Похороны — прекрасный повод для женщины получить сочувствие и внимание. Сиять, притягивая взгляды, и купаться в обожании просто за то, что ты есть. Возможно, поэтому она еще не плакала.

Мисс Грин только готовится к выходу на сцену.

Это я могу понять, это я видел много раз. И она не поступит иначе. Точно так же, как она надела этот жемчуг, она наденет маску горя, за которой будет скрываться эгоизм.

Поэтому я жду.

И предвкушение растет с каждым, кто подходит к гробу. Они все не задерживаются надолго, но прилежная дочь сенатора говорит им пару слов на прощание, сжимая в руке лилию как спасательный круг. Дождь усиливается, разгоняя скорбящих, словно стаю воронов, и вскоре все покидают это место.

И лишь один человек остается.

Мисс Грин стоит с бесстрастным выражением лица. С ее намокших под дождем волос вода стекает на насквозь мокрую одежду. Она долго стоит, не шевелясь, несмотря на ливень, несмотря на отсутствие зрителей.

Ее продолжительная неподвижность притягивает меня, подталкивает к ней. Я поднимаю воротник пальто, чтобы прикрыть лицо, и не спеша иду по направлению к ней. Для прохожих я выгляжу как кто-то, пришедший навестить умершего. И в любой другой день это было бы правдой.

Я сам скорбел.

Однажды.

Я подхожу достаточно близко, чтобы увидеть, как у женщины дрожит нижняя губа, которая приобрела голубоватый оттенок из-за холода. Мисс Грин обхватывает себя за талию, все еще держа в руке цветок, и опускается на землю с тихим мучительным стоном.

Наконец слезы.

Она запрокидывает голову назад, призывно обнажая бледную шею, при виде которой у меня подергиваются пальцы. Ее глаза зажмурены, рот приоткрыт, из него до-

ОДНАЖДЫ ТЫ СТАНЕШЬ МОЕЙ

носятся всхлипы. Эмпатия мне чужда, иначе мне было бы больно слышать этот отчаянный звук.

И все равно у меня в груди возникает странное напряжение.

Оно становится тем сильнее, чем больше она плачет, чем больше слез проливает.

Нет никаких зрителей, никакого представления. Просто дочь оплакивает своего погибшего отца. В уединении.

Мисс Грин подождала, когда все уйдут, чтобы как следует погоревать — открытие, к которому я не был готов. Ее поведение — отклонение от нормы.

Меня резко охватывает разочарование и замешательство, я хмурю брови. Впервые радость от похорон улетучивается.

Меня лишили удовольствия.

Подменили его неприятным чувством, которое я даже называть не хочу. Тем, которое я не способен испытывать.

И все же оно есть.

И мисс Грин стала тому причиной.

Я окидываю ее взглядом, пока она поднимается на ноги и медленно идет к гробу, на ее одежде и ногах пятна от травы и грязи. Ее образ теперь не безупречен. Лилия в руке мисс Грин трясется от дрожи, пронизывающей ее тело, и с цветка падают капли, на месте которых тут же появляются новые из-за дождя. И ее слез.

Она прерывисто шепчет что-то, что я не могу разобрать, целует лепестки цветка и кладет его к другим на крышку из красного дерева. А потом идет к машине, припаркованной у тротуара. Я смотрю, как она садится в нее и исчезает из виду.

Я направляюсь к гробу. Уставившись вниз, я презрительно прищуриваюсь, представляя мужчину внутри, и мои губы изгибаются в ухмылке.